

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОПОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-8-19

УДК 316:130

Репрезентации в социальном пространстве региона

Владимир Александрович Писачкин

доктор социологических наук, профессор
Национального исследовательского Мордовского
государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, РФ)
pisachkin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы применения теории социального пространства в региональных социологических исследованиях. Пространство репрезентации наряду со смысловой структурой выражает символический и субстанциальный аспекты топологии региона. Цель статьи — применение репрезентации в понимании природы и факторов социальных состояний и отношений, динамики пространственного развития на базе сравнения традиционных и новых практик. Новизна подхода состоит в анализе проблем в формировании социологического подхода к идеологическим, экономическим, социальным и культурным практикам и технологиям воздействия на сознание общест-венности в контекстах социальных, коммуникационно-информационных, дискурсных и других репрезентативных форм. Оценка процессов изменений социума осуществляется посредством при-менения теории социального пространства, социальной топологии как методологического подхода в исследовании социальной реальности (динамики ее состояний, особенностей развития городских и сельских поселений, этнических и социокультурных процессов). Действующие трактовки репрезента-ции охватывают ряд значений, в числе которых выступают: представления или образы, репродукции презентации, ее повторение, замещение. Репрезентация, таким образом, выступает как представление и служит идеальным объектом, поскольку функционирует в интерактивном взаимодействии в процессе социальных коммуникаций при воспроизводстве структуры повторений. Методологические интер-претации репрезентации обретают широкий диапазон, связанный с применением спектра множества «топологических» трактовок социальных явлений в региональной жизни социума. Региональная репрезентация материализуется в различных версиях социального пространства и идентифицирует региональное взаимодействие как тесную смысловую связь, выступая важным условием интеграции и консолидации социума.

Ключевые слова: пространство репрезентаций, регион, репрезентации, социальное пространство, социальное конструирование, социальная методология, социальные технологии, социальная топология.

Цитирование: Писачкин В. А. Репрезентации в со-циальном пространстве региона / В. А. Писачкин // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 4. С. 8-19. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-8-19

ВВЕДЕНИЕ

Репрезентация — термин, в переводе с английского, немецкого и французского языков означающий «представление, представительство, изображение». Репрезентации многочисленны. Их становление и развитие исследователи связывают с развитием когнитивного процесса посредством революций (когнитивных, информационных, культурных, научных, пространственных, технологических, управленческих), а также множества других факторов, влияющих на развитие репрезентаций в ходе социальных изменений. Репрезентативность в социологии — представительность, показатель наблюдений в статистике, свойство выборки. Одной из распространенных форм репрезентаций служит здравый смысл, в нем сосредоточена система «жизнеукорененных» внутренних убеждений, отмечающих посягательства радикализма на жизнь и ее святыни. Здравый смысл предполагает отрицание категоричности определенных суждений и отрицание иллюзий, например, в попытке выдать какой-либо отдельный фрагмент характеристики целостного явления в качестве совокупности множества. Здравый смысл противостоит различным видам радикализма, таким как оппозиция, сдерживающая другие оппозиции, нацеленные на утверждение определенных идеалов. Репрезентации всегда характеризуют различие.

В региональных исследованиях репрезентации используются в широком диапазоне. Они обязательны в характеристике социальных процессов, социальных проблем и пространственных форм в организации региональных и территориальных систем, форм социального контроля в распределении дохода, перераспределении и изменении прав собственности, культурной динамики, социальной справедливости, качества жизни, этнической идентичности, медийных практик, виртуализации социального пространства и массы других аспектов в пространственной организации регионального социума.

В статье анализируется определенный опыт применения и использования пространства репрезентаций в регионах. Рассмотрены методы и приемы конструирования, констелляции и типологии в макро- и микроанализе динамики соци-

ального пространства при изучении различных проблем социальной практики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Разработка социологии пространства включена в число приоритетных направлений и тем социологов [31, с. 4]. Эта проблема также актуальна для представителей других социальных и гуманитарных дисциплин: философов, культурологов, психологов, социальных географов, экологов, антропологов, экономистов, юристов. Она не менее значима для социальной медицины, архитектуры и других научных дисциплин. Выбор теоретических предпочтений социологической науки тесно связан с широким обращением к проблемам смысла, репрезентации и практики. На базе этих категорий происходит концептуализация теории социального пространства. Важное место в этом процессе занимает разработка проблем регионализации общественной жизни, трансформации и локализации коммуникаций, наряду со становлением других направлений исследований. «Теории могут быть сильными и слабыми, — писал Г. С. Батыгин. — Сильная теория содержит больше подтвержденных гипотез, чем теория слабая. Если количество опровергнутых гипотез становится достаточно большим, теория, несмотря на сопротивление, умирает» [2, с. 109]. Относительно теории социального пространства следует говорить, что она обретает статус сильной теории. Важнейшим из условий обретения ей этого статуса является обращение к научной процедуре репрезентации социального познания.

Социальные свойства и качества пространства становятся темой научных дискуссий на рубеже XIX-XX вв. К. Шмитт подчеркивал реализованное Ф. Ратцелем стремление «изменить понятийное поле» социальных наук, для которых открылись широкие творческие возможности в развитии социальных значений и смыслов в связи с обращением к теме «жизненного пространства социума». Эти возможности были воплощены с помощью достижений математических наук, физических и биологических теорий, а также гуманитарных знаний, в процессе состоявшейся научной революции пространства [32, с. 563]. Безусловным результатом этой революции следует признать

становление социальной топологии как особого направления в современной методологии социальных наук, получившей импульс развития в процессе научной революции пространства. В основе этого направления в качестве базовой лежит теория социального пространства, которая описывает структуры, статику и динамику социума на всех уровнях глобального, регионального и локального бытия, конкретизирует механизмы парадигмальных схем пространственного и территориального развития.

В тезаурус социологии пространства вошли: идеи Г. Зиммеля (о свойствах и качествах пространства), идеи М. Вебера о мире осмысленного действия, идеи Э. Гуссерля и М. Хайдеггера о жизнеощущении и мироощущении человека. Философы XIX-XX вв. определились в вопросе о том, что пространство, где отыскивает свое место и узнает себя человек, есть мир. Мир — это социальная реальность, в которой язык — это, по определению Хайдеггера, «дом бытия» [6, с. 152]. Репрезентация является фундаментальной операцией познавательной деятельности, человеческого восприятия и представлений. Методологическая интерпретация репрезентации обретает «математическую» трактовку в философской монадологии Г. Лейбница, но особенно она акцентуруется в феноменологии Э. Гуссерля, который актуализирует понятие «интенциональности» [12]. Феноменологический проект «интенциональности» получает развитие в философии М. Хайдеггера. Немецкий ученый сопоставляет отношение презентации и репрезентации, связывая ее с фактом присутствия. М. Вартовский раскрывает репрезентацию как операцию, укорененную в специфике субъекта в истории и культуре, как феномен «визуального понимания» и мышления [9]. В социальной эпистемологии репрезентации выступают в качестве посредников — моделей символических, знаковых, языковых, логических и математических систем. Применение различных репрезентаций связано с моделированием тех или иных типов ценностей.

Философы традиционно рассматривали репрезентации в качестве представленных в сознании, познании и знании определенных материальных и идеальных объектов, используемых в когни-

тивных процедурах. Проблема репрезентаций исключительно актуальна при рассмотрении свойств, отношений и процессов в контексте социальных событий, опосредованных через «образ» и язык, через символические системы и знаковые модели. Научное познание, осуществляемое посредством репрезентации как процедуры, опирается на категории «состояние», «событие», «пространство», «время» и широко используется в современных социальных науках.

Важным звеном становления идеи репрезентации как формы гуманитарной и социальной мысли является творчество М. М. Бахтина. В конце 1920-х гг. мыслитель обращается к терминам «гибридная конструкция» и «двойная социальная ориентировка»; выводы, сформулированные им, даются с позиции социологической поэтики. Бахтин выделяет в образе человека следующие основные элементы: «чужое сознание», воссоздание «саморазвивающейся идеи (неотделимой от личности) в человеческом событии», «диалогичность» как особую форму взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями» [3, 4]. Эта концепция стала одной из важнейших в осмыслении роли социальных репрезентаций. Ученый продолжал разработку идеи гибридной конструкции языка и смысла в ряде других работ.

Эти идеи получили развитие в трудах современных авторов. А. С. Ахиезер вводит модель формирования «гибридных нравственных идеалов», которая выполняет интегративную функцию в тех ситуациях, когда разнородные идеалы воспринимаются в истолковании «разных групп», выступая в роли единого, хотя и содержат отличия [1, с. 256]. Позитивный смысл гибридного идеала заключается в возможности формировать пространство «абстрактного единства», сохраняющего перспективу интеграционного процесса. Гибриды такого рода формируются в мышлении стихийно и выступают в качестве репрезентативных форм осмысления мира. Автор характеризует «форму логики движения мышления» в культуре и действии, составляющую в отношении инверсии дуальную оппозицию, в которой медиация служит для того, чтобы абсолютизировать одну сторону полярности и минимизировать ценность другой [1, с. 859]. В этом конструкте объект

и предмет социального знания обладает свойствами дуальности, где «вещественный продукт» представлен множеством позиций, отношений и взаимодействий. Ипостасью этого продукта предстает репрезентация как некая экранная реальность, создаваемый в мысли предмет «чистого теоретизирования». Она, отраженная в научном дискурсе, выражает «мир в себе» и «мир для нас», не всегда четко обозначается, но создается и разграничивается в сложившихся традициях, подходах и исследованиях.

Анализ морфологических свойств социального пространства как сложного многогранного явления в форме репрезентаций представлен в работах В. В. Ильина, Л. А. Микешинной и других авторов [15-18, 24]. Л. А. Микешина характеризует репрезентацию как «общественное событие» [24, с. 109]. В. В. Ильин отмечает, что форма в философском и методологическом плане имеет структурную организацию, в которой содержание организуется системно и выражается «набором стилевых принципов», включая праксиологию, куда может входить множество практик [18, с. 108]. Это и символические репрезентации, где символы предстают как мощные духовные ресурсы, которые позволяют создавать разные миры силой воображения и комбинируются силой образов. Они выражают образную имитацию при раскрытии тайны «смыслопородительного морфогенеза» [18, с. 95].

Следует подчеркнуть, что репрезентации входят в любые области познания посредством различных символических систем: «в совокупности эти феномены образуют „фазовое пространство“, характеризующее измененное состояние социального пространства современного общества. Консолидация ценностно-смысловых полей определяется материальной проблемой блага и собственности, духовной проблемой свободы, справедливости и ответственности. Смысловая конфигурация коммуникационных пространств современного социума позволяет рассматривать пространства свободы, контроля, диалога, игры и борьбы в качестве социальных субстантивных „скреп“, анализ которых связан с применением особых процедур в рамках социологических измерений параметров социального пространства» [29, с. 662].

В. В. Ильин характеризует проблемы когнитивной репрезентации в аспекте репрезентирующей деятельности с позиции степени свободы (в переформатировании структуры мира); продуктивности (в наращивании смысловых и образных потенциалов); тропности (метафоричности); супралогичности (символической иносказательности, смыслофигурами формообразования); раскрепощенности (манерами символического самовыражения) [18, с. 78]. Характеристика репрезентативности связывается автором с активацией начала посессивности (как перебором возможности), игры (как импровизации), условности (как спонтанного представления) [18, с. 79]. Спонтанную решимость действия автор связывает с позиционностью (признаковой, деятельностной, демонстративной), которая в свою очередь связана со способностью видеть и менять темы с неожиданных позиций. Вопрос координации позиций рассматривается им в рамках визуальной репрезентации, эйдетической репрезентации и трансформации от «мимезиса к поэзису» т. е. интеллектуальному катарсису [18, с. 79].

В. В. Ильин характеризует два измерения значений смысла и референции. В символическом симбиозе, отмечает автор, происходит рождение дополнительных смыслов (значений) — сращивание «логуса с сенсусом», связывание разноплановой информации и возникновение (путем комбинирования) новых понятийных единств, уяснительных качеств [17, с. 91]. Знак как репрезентант (представитель) предмета в теории символических форм (представленный в традиции логического атомизма) обозначает, или означивает, определенный предмет, явление. В социальной опосредованности происходит комбинирование знаков, смыслов в их генерации, циркуляции, трансляции, имплантации, в центре внимания которой находится социальная жизнь субъекта — фация — объект (реальность). Это мир, в котором человек, как существо целесообразное, осваивает действительность под углом зрения воплощенных ценностей, целей и интересов [15, с. 111]. В этом процессе важным звеном объектного масштабирования социального пространства выступает регион.

Репрезентация состоялась в качестве формы социологического познания в последней четвер-

ти прошлого века. Ее широкое применение в социологической науке связано с обращением исследований к теории социальных представлений. Ее автор, французский социолог С. Московичи, рассматривает репрезентацию как процедуру социального познания в рамках отличия объяснительного познания здравого смысла от описательного познания науки [25-27]. Он обосновывал это тем, что здравый смысл успешно выполняет адаптационную и регулятивную функции в поведении людей, различных групп и сообществ. Его теория социальных представлений строится на «концептуальной схеме формирования системы значений и личностных смыслов субъектов в ходе социальных интеракций». Активная роль социальных представлений определяется измерениями их состояний, и на базе широкого применения репрезентаций выстраивается методология социального познания, в которой предметом служат жизненный мир, социальное пространство, в них — язык, знак, символ, конструирование социальной реальности, а также другие феномены, связанные с интерпретацией презентации как предмета методологической проработки социологией.

Применение идеи репрезентации осуществлено в трактате П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Авторы характеризуют репрезентацию институтов «в ролях и посредством ролей», от которых зависят все другие репрезентации. Этот процесс «взаимовывязывания» представлен в русле интеграции иощряемой солидарности по Дюркгейму [5]. Данный подход основан на видении повседневной реальности «жизненного мира» по квалификации А. Шюца [33]. Эта идея также связана и с концепцией К. Манхейма [23, с. 409]. Тем самым стереотипизация выступает средством «собственного встраивания» в жизненное пространство — «пространство природы».

Репрезентативные идеи занимают важное место в наследии Пьера Бурдьё (габитус, поля и практики, капитал, представительство, диспозиции, различия). Габитус порождает социальный мир в диалектическом процессе «интернализации-экстернальности и экстернализации-интернальности». Практика является звеном, связывающим

габитус с социальным миром. Существовать в социальном мире, согласно Бурдьё, — значит различаться (в художественном поле, в полях литературы, политики и др.) [7]. Проект П. Бурдьё ориентирован на то, чтобы изменить мир. Для этого необходимо изменить способы, по которым он «конструируется и воспроизводится». Воспроизводство в социальной истории всегда связано с критикой исторического опыта [8].

Трактовку теории производства пространства как репрезентации, проникнутой знанием, представленным «смесью познания и идеологии», предлагает А. Лефевр. Он связывает репрезентации с пространственной практикой всякого общества, создающего свое пространство и осуществляющего господство над ним. Эти практики представляют сложное диалектическое взаимодействие, в процессе которого осуществляется господство и присвоение продуктов. С моделью репрезентации пространства такого рода Лефевр связывает возникновение перспективы, которая явилась результатом исторического поворота в изменении отношения города и деревни. Такое восприятие определило интеллектуальную репрезентацию, образующую «логику визуализации» как урбанистическую практику [21, с. 52].

Джон Ло рассматривает *репрезентацию* как один из аспектов «сгущенного присутствия», в котором изображается и воспроизводится «значимое отсутствие». В этом процессе аллегория сопровождает изображение, в нем «нагромождение реалий» сопряжено с восприятием «несвязанной множественности», постижение которой требует «метода-сборки» [22, с. 329].

Таким образом, в теории социального пространства репрезентация предстает в формах: *пространства репрезентации* и *репрезентативного пространства*, наряду с *пространством смысла*, *пространством действий* и *пространством отношений*. Важнейшая роль репрезентацией выполняется в процессе конструирования социальных объектов виртуального творчества. Для социальной топологии региона репрезентация становится важнейшим методологическим подходом в научных исследованиях и конструктивной практике. Российский социолог Д. В. Иванов рассматривает общество в процессе реали-

зации ценностей, в котором общественные изменения связаны с возникновением различий между параметрами его состояний. В этот период происходит *виртуализация* как процесс замещения его реальных объектов на новые ориентации в процессе «симуляции» (замещения) значимых свойств, образов [14, с. 181].

При анализе социальных проблем региональной жизни весьма актуально изучение репрезентаций, которые активно задействованы в его формировании, основываясь на разнообразии и различии. Определение понятия «регион» в социологии тяготеет к идее самовоспроизводства. Это характерно для позиции большинства авторов в рамках социологии регионов. О регионе как о социальном теле и субъекте воспроизводства пишут многие авторы. Применение методологии социальной топологии к анализу региональных акций и событий позволяет социологам оценить возможность влияния инициатив, «реализованных на микроуровне и мезоуровне в развитии и движении социальных сил макроуровня». Репрезентации в социальной топологии региона — это важное звено методологии. Они позволяют сопоставлять социальный порядок и процесс устойчивого развития с неравенством и актуализацией событий в аспекте социального бытия, определенных акций и технологий (актуализации, оптимизации реализуются с опорой на разнообразие и различие, активно задействованы в реформировании социума). Пространство как социальный конструкт методологически успешно интерпретировано Э. Гидденсом в аспекте концепций регионализации, структуризации и двойной герменевтики [11]. М. Маклюэн трактует понимание медиа как «внешнее расширение человека».

Проект Г. М. Казаковой связан с осмыслением и верификацией понятия «вернакулярный район», который образуется как результат пространственно-географической самоидентификации его жителей. Выявление вернакулярных районов связано с многообразной фактурой, возрождающей образы территории, места, наполненные определенным «духом», ландшафты как культурные тексты в совокупности социокультурных отношений его жителей [20, с. 62]. Появление таких

районов автор справедливо связывает с естественной территориальной самоорганизацией социума, его самоидентификацией. Это районы, которые наделяются их жителями и соседями определенными ментальными характеристиками, представлениями, консолидирующими поведение населяющих их людей. Примером являются Югра, Муромские леса, Полесье, Даурия. Сегодня это Казань, Саранск и другие регионы и центры. Формирование вернакулярных районов в процессе создания «образов» складывается с помощью определенного набора «ключей» — критериев «хорошего тона», облегчающих различные действия. Границы вернакулярных районов существуют только в сознании людей, их нет на географических картах. Это своеобразные реперы ориентации населения в обживаемом пространстве региона, выраженные в неопределенных репрезентациях.

Каждый регион, каждый город, населенный пункт является не только территориальной единицей, но и представляет субъективную реальность в сознании и отношении жителей в процессе освоения ими социального пространства. С. А. Ильиных характеризует возможность конструирования представлений о городском пространстве на основе воздействия массовых коммуникаций и пространства социальных практик города на примере Новосибирска [19]. В исследовании выяснилась гендерная специфика оценок городского пространства. Как положительные, так и проблемные его аспекты имеют выраженную специфику в зависимости от пола.

В исследовании И. А. Скалабан предложена реконструкция свойственного жителям опыта места и образа территории в межэтническом сообществе Новосибирска. Автором установлено, что конструируемый образ опирается не столько на универсальные символы, а в большей мере — на символику и ценности этнического сообщества общинно-корпоративного типа. Исследование проведено в двух реализованных проектах: в одном было 7 фокус-групп с применением масштабного социального картирования с лидерами национально-культурных автономий, в другом — 6 групповых интервью с использова-

нием метода эскизного социального картирования авторитетными представителями диаспор и местными жителями (в местах компактного проживания диаспор из Средней Азии и Кавказа). Полученный результат подтверждает зависимость между информационной насыщенностью, плотностью смыслов в образе пространства, связанными с ними социальными практиками и ощущением безопасности, что «сокращает страх чужого» [30, с. 93].

Проблемы социальной топонимии занимают заметное место в репрезентации региональных исследований. Топонимы выступают важным средством «публичной манифестации идентичности». Н. А. Галактионова приводит сравнительный анализ топонимической ситуации городов Тюмени и Набережных Челнов (Татарстан) в аспекте переименования в них улиц. В Тюмени реализован вариант репрезентации «русского города», в Набережных Челнах осуществляется стратегия, суть которой выражается в замене существующих наименований их переводом на язык титульного этноса [10, с. 159].

Ментальные репрезентации в миграционном процессе рассмотрены А. А. Нестеровой и Т. Ф. Сусловой [28]. Авторами в 2015-2016 гг. были проведены опросы с использованием метода транс-символического анализа. Результаты исследования характеризуют биполярные эмоциональные восприятия жителями столичного региона России и ожидания мигрантами поддержки и содействия в «приемлемом жизнеустройстве». Для репрезентации «приезжих» характерны сложности, связанные с принятием нового для них статуса трудового мигранта и болезненное отношение к миграции как вынужденной ситуации. Жители региона выразили скорее негативное, нежели толерантное отношение к чужим (мигрантам). Когнитивная символика у 52% москвичей связана с «перемещением» мигранта, у 27% ассоциируется с «побегом и бегством», у каждого десятого характеризуется в связи с перенаселением, вытеснением, ненужностью, отчужденностью, незаконностью — «способом существования». Для трети москвичей миграция представляется «плохой», для 18% — обширной, масштабной, глобальной, для 9% —

«опасной». Для ответов людей среднего возраста (31-50 лет) характерна связь неудовлетворительности своего экономического и социального положения с трудовой активностью мигрантов, являющихся «конкурентами», «снижающими уровень зарплаты в регионе». В целом ментальные репрезентации мигрантов и местного населения препятствуют их позитивному взаимодействию.

В социально-пространственном дискурсе, исследуемом А. В. Дмитриевым и Г. А. Пядуховым, выделяется конфликтогенность, связанная с внешней трудовой миграцией в регионах России. Важнейшее место в исследовании данного явления принадлежит мониторингу социальных представлений. В ходе него фиксируется измерение состояния миграционного процесса и дается его оценка. Свою мотивировку конфликтогенного потенциала исследователи связывают с практиками «посредников», конкурентным соперничеством субъектов рынка миграционных услуг, правовой неурегулированностью функционирования рынка миграционных услуг, сложившимся характером воздействия работодателей на посредников, обслуживающих их интересы [13, с. 370].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, репрезентации используются в качестве представленных в сознании, познании и знании определенных материальных и идеальных объектов, применяемых в различных когнитивных процедурах. Проблема репрезентаций исключительно актуальна при рассмотрении свойств, отношений и процессов при интерпретации социальных событий, опосредованных через «образ» и язык, через символические системы и знаковые модели. Научное познание, осуществляемое посредством репрезентации как процедуры, опирается на категории «состояние», «событие», «пространство», «время» и широко используется в современных социальных науках. Важнейшая роль репрезентации выполняется в процессе конструирования социальных объектов виртуального творчества. Для социальной топологии региона репрезентация становится важнейшим методологическим подходом в научных исследованиях и конструктивной практике.

Репрезентация является фундаментальной операцией познавательной деятельности, человеческого восприятия и представлений. Методологическая интерпретация репрезентации обретает «математическую» трактовку в топологии, философской монадологии, акцентуируется в феноменологии, актуализирующей понятие «интенциональность». Феноменологические проекты «интенциональности» получают развитие в философии в сопоставлении понятий через отношение презентации и репрезентации, связывая ее с фактом «присутствия», и раскрывают репрезентацию как операцию, укорененную в специфике субъекта в истории и культуре, через феномены когнитивного, эйдического и визуального «понимания» и «мышления». В социальной эпистемологии репрезентации выступают в качестве посредников — моделей символических, знаковых, языковых, логических и математических систем. Применение различных репрезентаций связано с моделированием тех или иных типов ценностей.

Региональные процессы составляют особый объект аналитики репрезентативных практик. Репрезентации в социальной топологии региона — это важное звено методологии. Они позволяют сопоставлять социальный порядок и про-

цесс устойчивого развития с неравенством и актуализацией событий в аспекте социального бытия, определенных акций и технологий, актуализации, оптимизации. Таким образом, репрезентация является формой, широко применяемой в методологии социального познания, социальных представлений. Оценка репрезентаций в сфере национальных отношений (национально-государственных, этнонациональных) служит основой для решения проблем в рамках этносоциальных и культурных процессов в качестве комплексного объекта государственной политики, выделения региональных моделей интеграции и консолидации российского общества. Для социологии репрезентация — это инструмент, а следовательно, метод исследования и конструирования социальной реальности. Для региональных исследований — это прекрасный способ сравнения и различения социальных коллизий и перемен, оценок состояния бизнес-сферы и качества жизни человека и общества.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность за поддержку и компетентную помощь в проведенном исследовании доктору философских наук, профессору В. В. Ильину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. М.: Новый хронограф, 2008. 938 с.
2. Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологического исследования / Г. С. Батыгин. М., 2008. 279 с.
3. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
4. Бахтин М. М. 1961 год. Заметки // М. М. Бахтин. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. М.: Русские словари, 1997. Том 5. С. 329-363.
5. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. Биbihин В. В. Мир. Язык философии / В. В. Биbihин. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
7. Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики / П. Бурдьё // Социологический альманах Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 107-138.
8. Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
9. Вартовский М. Модели. Репрезентации и научное понимание / М. Вартовский. М.: Прогресс, 1988. 507 с.

10. Галактионова Н. А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) / Н. А. Галактионова // Регионоведение. 2016. № 1. С. 152.
11. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
12. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. М.: Гнозис, 1994. 192 с.
13. Дмитриев А. В. Социально-пространственный дискурс конфликтогенности внешней трудовой миграции / А. В. Дмитриев, Г. А. Пядухов // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России: моногр. / отв. ред. В. В. Маркин; РАН, Ин-т социологии РАН. М.: Нов. хронограф, 2015. С. 347-378.
14. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 224 с.
15. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм / В. В. Ильин. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 384 с.
16. Ильин В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания / В. В. Ильин. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2014. 204 с.
17. Ильин В. В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания: монография / В. В. Ильин. М.: Проспект, 2017. 184 с.
18. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология: монография / В. В. Ильин. М.: Проспект, 2018. 186 с.
19. Ильиных С. А. Город как субъективная реальность и пространство социальных практик (на материалах исследований в г. Новосибирске) / С. А. Ильиных // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 2. С. 72-81. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-72-81
20. Казакова Г. М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов / Г. М. Казакова // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57-65. DOI: 10.7868/S0132162517090070
21. Лефевр А. «Производство пространства» / А. Лефевр; пер. с фр. М.: StrelkaPress, 2015. 406 с.
22. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло; пер. с англ. С. Гавриленко. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.
23. Манхейм К. Избранное: Социология культуры / К. Манхейм. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.
24. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
25. Московичи С. Методологические и теоретические проблемы психологии / С. Московичи // Психологический журнал. 1995. Том 16. № 2. С. 3-14.
26. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. 2011. 396 с.
27. Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
28. Нестерова А. А. Ментальные репрезентации как фактор протекания миграционного процесса / А. А. Нестерова, Т. Ф. Сулова // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 99-107. DOI: 10.7868/S0132162517090112
29. Писачкин В. А. Пространство смысла в социальной топологии региона / В. А. Писачкин // Регионоведение. 2017. Том 25. № 4. С. 656-669.
30. Скалабан И. А. Опыт места. Чем образ территории может помочь в изучении межэтнических сообществ города / И. А. Скалабан // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 1. С. 84-96. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-84-96
31. Филиппов А. С. Социология пространства / А. С. Филиппов. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
32. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / К. Шмитт. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
33. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-8-19

UDC 316: 130

Representations in the social space of the region

Vladimir A. Pisachkin

Dr. Sci. (Soc.), Professor, Ogarev Mordova State University
(Saransk, Russian Federation)
pisachkin@yandex.ru

Abstract. This article studies the urgent issues of applying the social space theory to regional sociological research. The representation space along with the semantic structure expresses the symbolic and substantive aspects of the region's topology. This article aims to understand the essence and factors of social states, relations, and the spatial development dynamics using representations and comparing traditional and new practices. The uniqueness of this approach lies in analyzing the problems, which occur when shaping a sociological approach to ideological, economic, social, and cultural practices and technologies, aimed at influencing the public consciousness in social, communicational, informational, discursive, and other representative contexts. The author evaluates communities' changes by applying the social space theory and social topology as a methodological approach for studying the social reality (which includes its conditions' dynamics, features of urban and rural settlements, as well as ethnic and socio-cultural processes). The current interpretations of representation cover a range of meanings, including representations or images, reproductions of a presentation, its repetition, and substitution. Representation, therefore, serves as an ideal object, since it interacts with the process of social communications in reproducing the structure of repetitions. Methodological interpretations of representation are numerous as they employ a wide spectrum of many "topological" interpretations of social phenomena in the regional life. Regional representation materializes in different versions of social space and identifies regional interaction as a close semantic connection, acting as an important condition for the society's integration and consolidation.

Keywords: representation space, region, representations, social space, social construction, social methodology, social technologies, social topology.

Citation: Pisachkin V. A. 2018. "Representations in the social space of the region". *Siberian Socium*, vol. 2, no 4, pp. 8-19.
DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-8-19

Acknowledgments. The author is grateful to Dr. Sci. (Philos.), Prof. V. V. Ilyin for his support and help in conducting the study.

REFERENCES

1. Akhizezer A. S. 2008. *Russia: A Critique of Historical Experience (Socio-Cultural Dynamics of Russia). From the Past to the Future*. Moscow: Novyy khronograf. [In Russian]
2. Batygin G. S. 2008. *Lectures on the Methodology of Sociological Research*. Moscow. [In Russian]
3. Bakhtin M. M. 1986. *Literary Critical Articles*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
4. Bakhtin M. M. 1997. "1961. Notes". In: Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy*. Vol 5, pp. 329-363. Moscow: Russkiye slovari. [In Russian]

5. Berger P., Lukman T. 1995. *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. [In Russian]
6. Bibikhin V. V. 2016. *The World. The Language of Philosophy*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. [In Russian]
7. Bourdieu P. 2001. "The Political Field, the Social Science Field, and the Journalistic Field". In: *Sotsioanaliz P'yera Burd'ye. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk*, pp. 107-138. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya. [In Russian]
8. Bourdieu P. 2001. *Practical Reason*. Saint Petersburg: Aleteyya. [In Russian]
9. Vartovskiy M. 1988. *Models. Representations and Scientific Understanding*. Moscow: Progress. [In Russian]
10. Galaktionova N. A. 2016. "The sociocultural image of the region through the prism of toponymic policy (case of Tyumen and Chelnov embankments)". *Regionologiya*, no 1, p. 152. [In Russian]
11. Giddens A. 1999. *Sociology*. Moscow: Editorial URSS. [In Russian]
12. Husserl E. 1994. *Collected Works. Phenomenology of the Inner Consciousness of Time*. Moscow: Gnozis. [In Russian]
13. Dmitriyev A. V., Pyadukhov G. A. 2015. "Socio-spatial discourse of the conflict situation of external labor migration". In: Markin V. V. (ed.). *Regional'naya sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsial'nogo prostranstva Rossii: monogr.*, pp. 347-378. Moscow: Nov. khronograf; RAN, In-t sotsiologii RAN. [In Russian]
14. Ivanov D. V. 2002. *Virtualization of Society. Version 2.0*. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. [In Russian]
15. Ilyin V. V. 2013. *Theory of Knowledge. Semantics. Theory of Symbolic Forms*. Moscow: Moscow University Press. [In Russian]
16. Ilyin V. V. 2014. *Theory of Knowledge. Social Epistemology. Sociology of Knowledge*. Moscow: Akademicheskii projekt; Gaudeamus. [In Russian]
17. Ilyin V. V. 2017. *Theory of Knowledge. Hermeneutic Methodology. Architecture of Understanding*. Moscow: Prospekt. [In Russian]
18. Ilyin V. V. 2018. *Theory of Knowledge. Heuristic. Creatology*. Moscow: Prospekt. [In Russian]
19. Ilyinykh S. A. 2017. "The city as a subjective reality and the space of social practices (based on research in Novosibirsk)". *Siberian Socium*, vol. 1, no 2, pp. 72-81. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-72-81
20. Kazakova G. M. 2017. "The vernacular area as condition for the intensification of social processes". *SOTSIS*, no 9, pp. 57-65. [In Russian]. DOI: 10.7868/S0132162517090070
21. Lefevr A. 2015. "Production of Space". Translated from French. Moscow: StrelkaPress. [In Russian]
22. Law J. 2015. *After Method: Mess in Social Science Research*. Translated from English by S. Gavrilenko. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara. [In Russian]
23. Mannheim K. 2000. *Essays on the Sociology of Culture*. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. [In Russian]
24. Mikeshina L. A. 2007. *The Epistemology of Values*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN). [In Russian]
25. Moskovichi S. 1995. "Methodological and theoretical problems of psychology". *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 16, no 2, pp. 3-14. [In Russian]
26. Moscovici S. 2011. *Century Crowds. Historical Treatise on the Mass Psychology*. [In Russian]
27. Moscovici S. 1998. *The Machine that Creates the Gods [La machine à faire des dieux]*. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii. [In Russian]
28. Nesterova A. A., Suslova T. F. 2017. "Mental representations as a factor of the migration process". *SOTSIS*, no 9, pp. 99-107. [In Russian]. DOI: 10.7868/S0132162517090112
29. Pisachkin V. A. 2017. "The space of meaning in a region's social topology". *Regionologiya Regionology*, vol. 25, no 4, pp. 656-669. [In Russian]



30. Skalaban I. A. 2018. "The experience of the place. How territory image can help in studying cross-ethnic urban communities". *Siberian Socium*, vol. 2, no 1, pp. 84-96. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-84-96 [In Russian]
31. Filippov A. S. 2008. *Sociology of Space*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. [In Russian]
32. Shmitt C. 2008. *The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. [In Russian]
33. Schütz A. 2004. *Selected Works: The World Glowing with Sense*. Moscow: ROSSPEN. [In Russian]